Вечный Нарцисс

Стеффи Моне

18+

Стеффи Моне
Вечный Нарцисс

https://litres.ru/75023769
SelfPub; 2026

Аннотация

«Он не искал любви — он был её Идеалом»

Книга о Нарциссе, где миф становится философией, а красота — приговором.

Он не смотрел на других — он знал: всё, что достойно взгляда, уже перед ним. Его гордыня была не пороком, а законом: если мир не дотягивает до идеала, пусть мир меняется.

В этой книге античный миф звучит как исповедь и как манифест. Здесь нет морали — есть величие, холод и вечность, застывшая в отражении воды.

Для тех, кто любит тексты, от которых становится и жутко, и красиво.

Читай, если хочешь заглянуть в лицо абсолютной красоты — и не отвести взгляд.

Эта история — о том, что настоящая сила не в холоде, а в смелости быть уязвимым. О том, что красота теряет власть, когда перестаёт быть товаром. И о том, что любовь к себе — не эгоизм, а фундамент, на котором строится уважение к другим. Иногда самый трудный шаг — не стать лучше всех, а перестать воевать с собой.

Стеффи Моне
Вечный Нарцисс

Я был шедевром Красоты— и в этом есть моя стезя...
Не лесть, не зеркало во лжи, лишь отсвет солнечного Я.
И знал, что власть моя сильна, ступая по сердцам, круша...
Сам зажигал свои миры — и сам гасил запрет души....

Глава 1. Смерть.

Многие осуждают меня, ненавидят, даже придумывают героев, которые уничтожают всё и особенно любовь, но что они знают о вечности… Что знают эти смертные, чьи сердца — как угли: вспыхивают от мимолётного порыва и гаснут, едва ветер перемен коснётся их робких надежд? Их вечность умещается в один вздох, а моя — в безмолвие звёзд, что наблюдают за мной с высоты Олимпа, словно завидуя тому, как долго я умею хранить пламя своего величия.

Ведь человек, не научившийся любить себя, никогда не узнает настоящего чувства, не поймёт содроганий страсти, сгорающих от боли и невозможности обладания — той самой боли, что въедается под кожу, как ледяной ветер, и не отпускает даже во сне. Это не просто боль — это печать из-

бранности, клеймо, которым сама судьба метит тех, кто дерзнул встать лицом к лицу с вечностью и не отвести взгляда.

Он смотрел на отражение воды, и силы покидали, ибо не было возможности оторвать свой взгляд от настоящего чуда красоты. Ибо разлюбить это лицо — значит разлюбить свою душу, своё великое начало, что движет нас вперёд, заставляя покорять звёзды, изучать глубины вод, смотреть опасности в глаза. Но в эту минуту он чувствовал, как внутри всё сжимается от страха: а вдруг это отражение станет тенью после смерти, потеряет очарование солнца, что дарит всем счастье… Страх этот был не человеческим — он был сродни тому священному ужасу, с которым титаны взирали на восход нового бога: не от слабости, а от осознания, что перед тобой — нечто, превосходящее меру земного. И если тень его лица когда-нибудь поблёкнет, то лишь потому, что само солнце устанет сиять, пытаясь сравниться с его красотой.

Ах, это тело, ноги, руки и лицо, красота которого подобна прекрасной заре или Млечному пути… Она была такой ослепительной, что от неё хотелось зажмуриться, но он не смел — будто боялся, что, закрыв глаза, навсегда потеряет миг всесильной магии. Словно перед ним разверзлось небо в час рождения новой звезды — зрелище, которое боги запрещают смертным видеть дважды, ибо оно лишает их сна и покоя, заставляя сомневаться в собственной природе. Он

не смел закрыть глаза не из страха, а из чувства права: он был единственным, кто имел право смотреть на это совершенство, единственным, кто не должен был стыдиться своего восторга.

Жизнь потихоньку вытекала из прекрасного сосуда, но лучше смерть, лучше высохнуть до основания, исчезнуть и остаться с этим отражением вечно, как остаётся на стекле морозный узор — хрупкий, прекрасный и обречённый растаять от первого тёплого дыхания чувств. Пусть другие цепляются за жизнь, как за изношенный плащ, прячась от ветра перемен. Его же жизнь была не в биении сердца, а в этом отражении — в кристальной чёткости линий, в игре света, что превращала воду в зеркало, достойное богов. И если ему суждено было высохнуть, как родник в пустыне, то пусть его имя останется в памяти мира, как остаётся след от падающей звезды — краткий, но ослепительный, заставляющий всех поднять головы к небу.

Он гладил воду, но не смел испить этой красоты, которую любил всем сердцем, так преданно, что не смел отказаться от своих мечтаний, от грёз, навеянных вечным притяжением… Красота Бога, что воспевали люди в прошлом, настоящем и будущем. И что бы они ни говорили о душе, красота всегда побеждала, сражая сердце наповал, заставляя влюбляться, дарить себя без остатка, даже ценой всей своей жизни,

души, всего, что дорого. Принципы уходят в сторону, когда ты ослеплён чудом, и пусть врут уверенные наглецы, что никогда не соблазнятся внешним, когда есть прекрасное нутро… их слова смешны… Как смешны попытки слепца рассуждать о цвете заката или глухого — о мелодии звёзд. Пусть они прячут свои пустые идеалы за высокими словами — их «прекрасное нутро» — лишь тень, дрожащая у ног того, кто осмелился стать светом.

Смеялся и плакал, ибо его жизнь уже была на волоске, натянутом между восторгом и отчаянием, на дне этого озера… Он умирал от красоты, ради которой готов был кануть в вечности, но не сдаться, вопреки проклятиям Немезиды, богини справедливого возмездия, что обрушила на него кару за гордыню — ибо смертному не пристало равняться с небожителями в красоте. Прекрасное лицо становилось нереально тонким, а свет его — прозрачным, словно стекло, сквозь которое уже проглядывала иная сторона бытия. Но даже исчезая, оно дарило фантастическое ощущение счастья в паху и обладания вечностью — то самое чувство, когда ты одновременно держишь в руках весь мир и понимаешь, что он вот-вот рассыплется в пыль. И в этом рассыпающемся мире он оставался единственным, кто не пытался удержать осколки — он знал, что его истинная форма не в материальном, а в том отблеске, что навсегда запечатлелся в глазах тех, кто хоть раз увидел его. Пусть мир рушится — его отражение

останется, как остаётся эхо в горах после того, как стих последний гром.

Он таял и исчезал, чтобы жить вечно, чтобы возродиться со своей теорией о любви к себе! Стать вечностью, которую пусть прокляли вчера, но этим подарили ему со смертью вечную жизнь, восхищение и сладострастную ненависть. Стоило растаять, превратиться в цветок, если ценой твоей жизни — вечная власть над сердцами людей, вечная память и вечная негасимая жажда красоты!

Слава тебе, Божество Слава Самости, Самовеличию, убивающему все глупости вокруг… Смерть — это жизнь. Смерть — это не конец, а переход в иное измерение славы, где даже тень его поступка будет ярче, чем солнце, сжигающее слабых. Пусть другие ищут утешения в забвении — его удел был иным: быть тем, кого невозможно забыть, тем, чьё имя шепчут с благоговением и ненавистью, потому что одно без другого не существует.

Боль растворила его тело, но не дала умереть, ибо земля хотела его и рождала от него цветы, звёзды желали его и рождали от него созвездия… Земля приняла его дыхание и родила из него белые нарциссы — цветы, что склоняют головы, словно в молчаливом поклоне, но не смеют коснуться его сияния, боясь осквернить совершенство своим прикос-

новением. А звёзды, завидуя его красоте, перестроились в новые созвездия — будто небо само хотело запечатлеть его лик, чтобы никто не посмел забыть, что однажды на земле жил тот, кто не склонился ни перед кем, даже перед самой смертью. Люди всеми ночами грезили о нём — жертвуя своим счастьем, во имя кого-то… Таков удел красавцев, что живут в наших сердцах вечными ранами, вечной болью, потому что мы никогда не возжелаем отпустить эту сладкую боль.

Он шёл по тёмному городу, когда его лицо ещё было скрыто маской ночи, ибо она не отпускала из своих объятий утро. И даже его шаги заставляли девичьи сердца замирать или стучать в такт всем влюблённым сердцам. Но в груди у него самого не было ни стука, ни замирания — только холодная пустота, похожая на тишину перед бурей. Эта тишина была не пустотой, а концентрацией силы — как в центре урагана, где царит обманчивое спокойствие, но именно оттуда рождается вихрь, способный смести целые города. Раздражали ли его бесконечные признания, нежные соблазнения и бесконечные проклятия? Возможно. Но его сердце всегда оставалось холодным — как лёд Олимпа, что не тает даже в самом жарком пламени — потому что он давно перестал искать тепла в чужих взглядах. Пусть толпы сгорают от страсти; его холод был его броней, его короной, его единственным обетом.

Глава 2. Нарко

«Смотрел на воду не спеша — и видел гений красоты,
Закон, что пялился в меня, тушил рассветом наготы.
Любить себя не предлагал, лишь поцелуи собирал,
Отречься от звезды просил, хотя людей я презирал…»

Имя прилипло к нему не сразу. Сначала это было просто прозвище в закрытых чатах: «Нарко — потому что на него подсаживаешься». Потом кто-то сделал мем, где его лицо накладывали на кадры из старых фильмов про зависимость, и подпись гласила: «Не лечится. Не отпускает. Не извиняется». А потом оно стало официальным — он сам поставил его в шапку профиля, будто бросая вызов. Нарко. Короткое, звонкое, как щелчок затвора. И в этом звуке было всё: и его красота, и его опасность, и то, как он умел заставить людей забыть про себя и думать только о нём.

В тот день Нарко проснулся от вибрации телефона. Экран горел так ярко, что казался раскалённым стеклом, прожигающим темноту комнаты. Триста семьдесят два уведомления за ночь — лавина, обрушившаяся на тишину. Комментарии, репосты, упоминания.

Кто-то писал: «Ты — лучшее, что случалось с этой лентой».

Кто-то: «Ты — худшее, что случалось с моей самооцен-

кой».

Он улыбнулся — не потому, что ему было приятно, а потому что знал: эта полярность и есть топливо для вечной жизни великой миссии красоты, которая врывается в жизнь человека, как шторм, и срывает с него лохмотья глупых иллюзий о великой душе, не взирая на внешность.

ХА…

Чем сильнее ненавидят, тем громче любят, тем звонче поцелуи.

Чем громче любят, тем тяжелее падать в обыденность жизни — возвращение в рай, почти как у Мильтона. А он любил высоту.

Нарко встал, не глядя на часы — время для него давно перестало иметь значение, рассыпавшись на бесполезные песчинки.

В городе гудели машины, кофе варили в спешке, люди бежали, стараясь не смотреть друг другу в глаза. А он шёл медленно, как человек, который знает, что имеет право потратить эту жизнь на себя — и только на себя. Восторженные взгляды облизывали его с ног до головы, словно языки пламени. Хорошо быть богом. И действительно, на Нарко смотрели тысячи глаз: из окон офисов, из проезжающих машин, из витрин, где его отражение мелькало, как призрак, ускользающий от собственной тени.

Вот девочка вскрикнула и упала на асфальт, восторженно хлопая глазами. «Сошедший с небес», — шептали её губы, желая коснуться счастья.

Сегодня у Нарко была съёмка. Не для рекламы, не для бренда — для искусства. Так говорили. На деле это была очередная попытка поймать его неуловимость: фотограф хотел снять «холод», стилист — «надлом», продюсер — «скандал». Все хотели кусочек, который можно продать. Он знал это и всё равно шёл. Потому что в этих объективах он видел то же самое зеркало, что и в воде: бесконечное, безжалостное, прекрасное.

Перед глазами всплыла проклятая Немезида, что заставила его расплатиться за обиды. Женщины довольно мстительны, если не могут получить то, на что, по их мнению, имеют полное право. Если бы тогда он согласился переступить через себя и подпустить её ближе… Всё прошло бы гладко, но красота идёт рука об руку с гордыней. Казалось, что даже прикосновение к ней запятнает его чистоту, как капля грязи на белом полотне.

И ведь он всё ей выпалил в лицо…

Боль сковала тело. Снова вспомнил, как его тело иссыхало, как медленно его сминало в цветок — прекрасный, но

тот самый, который срывают и выбрасывают вон, как ненужный сор. Проклятая отдача! Так унизить, сделать радостью любого на мгновенье — и в мусорку умирать…

Пришлось пережить тысячи смертей, чтобы собрать себя воедино и возродиться из пепла, как птица, которая помнит вкус огня.

Нарко закрыл веками сияющие глаза, чтобы вновь сражать и унижать тысячи влюблённых глупцов. Осталось несколько шагов…

Вот локация — заброшенный павильон старого кинотеатра. Пыль лежала слоями, как забытая история, осевшая на полу веками. Свет пробивался сквозь щели в крыше, рисуя на полу золотые полосы — будто кто-то провёл по полу кистью света. Он сел на край сцены, где когда-то крутили фильмы про любовь, которая спасает. Теперь здесь снимали про любовь, которая разрушает — и сцена стала алтарём этой новой, горькой веры.

— Смотри в камеру, но не смотри на меня, — сказал фотограф. — Как будто ты видишь что-то за её пределами. Что-то, чего нет.

Нарко кивнул. Он умел это — видеть пустоту вечности и делать её величественной. Он поднял голову, и свет лёг на его лицо так, что тени стали резкими, почти жестокими,

как чёрные мазки на холсте. В этот момент он почувствовал, как внутри что-то щёлкнуло — не боль, а осознание. Он вдруг понял, что все эти взгляды, все эти кадры, все эти слова — они не складывались в человека. Они складывались в образ. И образ этот был настолько ярким, что настоящий Нарко прятался где-то позади, в темноте, и боялся выйти — как ребёнок, которого затмила собственная тень.

Всё же после возрождения что-то надломилось в нём… Вот только что?

Во время перерыва к нему подошла ассистентка — тихая девушка с дрожащими руками. Она протянула бутылку воды с его фотографией и тихо сказала:

— Вы… вы такой красивый. Это даже немного страшно.

Он посмотрел на неё — не с высокомерием, а с искренним удивлением, словно впервые увидел, как кто-то смотрит на него, а не на маску. Хотя кто из людей мог разглядеть за красотой настоящее, а не игру? Для него красота давно перестала быть комплиментом. Это был приговор — клеймо, которое он носил, как доспехи из стекла.

— Спасибо, — ответил он. — Но знаешь, красота — это не про меня. Это про то, как вы меня видите.

Девушка смутилась, покраснела и быстро ушла, оставив после себя лёгкий запах духов и неловкость, похожую на сквозняк. А он остался сидеть, держа в руках бутылку, которую уже открыл, но не решался глотнуть. Он всё ещё боялся воды. Вдруг почувствовал странную вещь — усталость. Не физическую, а ту, что приходит, когда слишком долго играешь роль, которую все от тебя ждут, пока собственный голос не становится чужим эхом.

К вечеру съёмки его лицо уже мелькало в десятках сторис.

Кто-то писал: «Это новый стандарт».

Кто-то: «Это издевательство над чувствами».

Он листал ленту, не читая, пока не наткнулся на комментарий, который заставил его остановиться:

«А ты вообще существуешь? Или ты просто набор пикселей, который мы все придумали?»

Он замер. Пальцы похолодели. И впервые за долгое время он не знал, что ответить. Потому что где-то в глубине души ему казалось, что этот незнакомец попал в самую точку. Неужели Немезида тоже выжила и теперь пытается найти отвергнувшего её любовь…

Ночью, когда город наконец затих, он вышел на набереж-

ную. Темнота никогда не скрывала его красоты — скорее наоборот, подчёркивала таинственную божественность, как чёрный бархат, на котором драгоценность сияет ярче. Словно боги, что чуть выше и красивее обычных людей, вышли на охоту, ведь даже им следовало испить восторга и поклонения.

Вода была чёрной, как густая тушь, и отражала редкие огни, дробя их на осколки света. Он наклонился, чтобы увидеть себя, но отражение дрожало, распадалось на полосы, как разбитое зеркало.

И тогда он прошептал — тихо, будто боясь, что кто-то услышит:

— Я смогу перебороть страх отражения. Я здесь. Я настоящий.

Но вода не ответила. Она просто продолжала течь, равнодушная к его величию и его страху. И в этот момент Нарко понял: зеркало больше не держит его. Оно отпускало. И от этого было страшнее, чем от любой ненависти — как будто земля уходит из-под ног, и ты впервые остаёшься один на один с пустотой, которая не притворяется восхищённой.

Он достал телефон, чтобы выложить последний кадр дня — тот самый, где он смотрит в пустоту. Но вместо этого нажал «Удалить».

И впервые за долгое время остался наедине с тишиной — такой густой, что в ней можно было утонуть.

Глава 3. Память о Нарциссе и голос Эхо

Пусть шепчут про миры богов, про тайну и про слепоту —
Но разве сможет человек постичь такую красоту!
Моя судьба — в криках толпы, в венках из множества похвал,
И этот светлый Идеал не прячет взгляд в пустой подвал…

Любить себя! Глупые люди считают это постыдной болезнью. Пишут о эгоизме, нарциссизме (это в честь меня!), призывая к самоотречению и отдаче себя без остатка другому. Какая дешёвая глупость! Какое заблуждение!

Уж я побывал цветком — смятым, растерзанным и выброшенным, — сколько раз дарил себя (скажу честно, не по своей воле), ибо моё тело страдало от боли, а душа — от презрения к дешёвым жестам любви, что замазывают свои недостатки цветами и подарками.

Становитесь лучше. Любите себя, чтобы любить других — и это научит вас настоящим чувствам. Только ненависть к плотскому, отречение от себя любимого делает вас ничтожной и малозначимой личностью — той, которую не уважают,

не ценят, да просто не замечают.

Таких Нарко видел много в мире людей: наблюдал за их падением и муками, за протянутой рукой перед смертью, что жаждала крупицы отдачи и любви. Но увы… Никто и никогда не придёт таким на помощь — разве что боги смилостивятся и бросят подачку в виде незначительного утешения.

Как интересно было заглядывать в их потухшие глаза или горящие отчаянием и болью…

О нет, Нарко не злорадствовал, ибо и сам испытал жестокое падение ценою в целую вечность. Сам страдал и был унижен: гордость красавцев чрезмерна (и он это знал), их амбиции грандиозны, потому унижение слишком сильно било в самое сердце. Иногда оправиться от этого было невозможно — и годами цветок не имел сил раскрыть свой бутон, оставаясь запертым внутри себя, словно в стеклянной клетке, где эхо собственных шагов звучало громче любого признания.

И тогда приходили воспоминания…

Он не спал. Просто лежал в темноте, и город за окном гудел, как чужой, слишком громкий Олимп — не из золота и мрамора, а из стекла, неона и бетона. Телефон лежал рядом экраном вниз, будто он наконец-то научился не тянуться к нему, как к зеркалу. Но зеркало теперь было внутри — в памяти, острой и безжалостной, как осколок, который не даёт забыть ни одной раны.

Прошлое накинулось не как сон, а как возвращение в другой мир, где воздух был гуще, а тишина — тяжелее, будто сама земля держала дыхание. Он снова был Нарциссом — не Нарко с его мемами и сторис, а тем самым юношей, который не знал, что красота может быть проклятием.

На Олимпе всё имело вес — впрочем, как и на бомонде великих и богатых людей. Даже здесь тень ложилась на землю, как обещание, тяжёлое и неотвратимое. Боги смеялись громко, и их смех звенел, как бронза, ударяясь о мраморные стены и возвращаясь эхом, в котором уже слышалась насмешка. Они любили его — не за ум, не за храбрость, а за то, как солнце отражалось в его лице, как ложилось на его плечи, будто само светило хотело признаться ему в любви. «Ты — лучшее, что случалось с этим рассветом», — говорили нимфы, и он кивал, не понимая, что эти слова — как тонкие нити, которыми его привязывали к отражению, всё крепче, пока оно не стало его единственной реальностью.

А потом была глупенькая Эхо. Не голос, повторяющий чужие слова, как шептали злые языки, а девушка с глазами, в которых небо не отражалось, но жило — мягче, глубже, без высокомерия. Она не просила себя любить. Эхо просто сидела рядом, когда он молчал, и её молчание было таким же, как его: не пустым, а полным — словно тишина, в которой слышно, как бьётся сердце. Она умела слушать так, будто

каждое его слово было первым и последним, будто от него зависела судьба мира.

— Ты смотришь на воду, — однажды сказала она, — и видишь себя. А я смотрю на воду и вижу, как ты видишь себя. И это самое красивое, что я знаю.

Он тогда нахмурился — не потому, что не понял, а потому что слишком хорошо видел души людей. Игра богов была слишком жестокой: впереди такую парочку ждали лишь муки, ведь его сердце уже было занято и не вмещало чужую привязанность. В словах Эхо не было лести — только правда, и от неё становилось страшно. Если кто-то видит тебя так ясно, значит, он может увидеть и то, что ты прячешь в своём сердце, а там была великая тайна — та, что заставляла его целовать своё отражение, погружаться в воду и ласкать своё тело, вспоминая… Впрочем, именно эту тайну он скрывал ото всех столько веков.

Тогда Нарцисс был молод и глуп, и гордость жгла сильнее, чем страх. Он отмахнулся от подачки богов, как от назойливого насекомого, и сказал что-то резкое — не злое, а просто холодное, чтобы не чувствовать себя уязвимым, спрятать за словами боль. И Эхо не обиделась. Она просто стала тише. А потом — совсем беззвучной, будто её голос растворился в воздухе, оставив после себя лишь лёгкое дрожание тишины.

Боги смеялись, но затаили обиду. Немезида смотрела с высоты, и в её взгляде не было ни гнева, ни жалости — только холодный расчёт: пусть узнает, каково это — любить и не быть любимым. Пусть полюбит то, что не может ответить. Ах, если бы она знала, что Нарцисс давно наказан…

Ибо он полюбил своё отражение много раньше её проклятия. Не потому что хотел, а потому что оно было единственным, кто не просил ничего взамен. Оно не задавало вопросов, не смотрело слишком глубоко, не заставляло чувствовать вину. Оно просто было — прекрасное, неподвижное, вечное. Или так ему казалось.

Он помнил, как пальцы касались холодного отражения, пытаясь схватить то, что было так близко и так далеко. Помнил, как холод проникал под кожу, как вода тянула его вниз, обещая покой, словно хотела унести его туда, где не нужно ни оправдываться, ни притворяться. И в последний миг, когда мир дрожал и рассыпался на блики, он услышал голос — не богов, не ветра, а её:

— Не уходи.

Но было поздно. Или он просто не хотел слышать.

Когда он вернулся в комнату, город всё так же гудел за окном, но теперь этот гул казался ему чужим эхом того, другого мира — далёким и бессмысленным, как шум прибоя, который повторяет одно и то же, не слыша собственных слов. Он сел, провёл ладонью по лицу, будто стирая с себя сон, но память не стиралась. Она сидела внутри, как заноза, острая и упрямая, напоминая о каждом неверном шаге.

На столе лежал телефон. Экран вспыхнул — уведомление. Кто-то выложил фото со вчерашней съёмки: его лицо в золотых полосах света, холодное, отстранённое, идеальное.

Подпись: «Нарко. Тот, кто не чувствует».

Ирония и боль…

И сотни комментариев и диалогов с собой:

«Да, именно так»,

- Горько!

«Он вообще человек?»,

- Верно, я — Бог!

«Это искусство»,

- И даже больше — это чудо.

Он прокрутил ленту, и вдруг среди этого шума наткнулся на комментарий — маленький, почти незаметный, написанный без пафоса:

«А помнишь, ты умел просто сидеть рядом?»

Сердце ёкнуло — не от гордости, не от раздражения, а от

чего-то старого, забытого. От стыда, тяжёлого и горького, как пепел на языке.

Иногда слова больно жгли его воспоминаниями…

Прекрасное лицо вновь встало перед его глазами — не как образ, не как икона, а как живое, тёплое, настоящее.

Он закрыл приложение, положил телефон экраном вниз и встал. Подошёл к окну, посмотрел вниз, на поток огней, на людей, спешащих по своим делам, на машины, мелькающие, как падающие звёзды, сгорающие в воздухе и не оставляющие следа.

И вдруг осознал: этот город, этот мир — он тоже был его темницей и Олимпом. Только вместо богов здесь были алгоритмы, вместо молний — уведомления, а вместо проклятий — комментарии, острые, как осколки стекла.

И Эхо… Эхо теперь могла быть кем угодно. Той тихой ассистенткой с дрожащими руками. Той девушкой, которая когда-то писала ему в личку, а он не ответил. Тем голосом в памяти, который всё ещё шептал: «Не уходи».

Когда-то, так давно, что почти забыто, он хватал ледяные руки настоящего чувства, шептал ей слова любви, целовал даже тень… Только душа ускользнула из его объятий, ибо ни боги, ни красота не способны возвращать умерших — они лишь умеют превращать их в легенды.

Он достал из кармана старое зеркало, словно билет в тот

самый заброшенный кинотеатр, где вчера была съёмка, а сегодня — пустота, густая и звенящая.

На обороте было что-то написано мелким почерком, почти стёртое, будто время старалось стереть и эти слова, как стирает всё остальное. Он поднёс его ближе к глазам и разобрал слова из детства: «Ты не зеркало. Ты — человек».

Чья-то рука. Чьё-то напоминание. Может быть, единственное счастье в его жизни.

Он сел на подоконник, свесил ноги, чувствуя, как холодный воздух касается кожи, будто пытается пробиться сквозь броню, которую он носил годами. Нарко нравилось играть со смертью в кошки-мышки. И прошептал в темноту, будто кто-то мог услышать:

— Прости. Я забываю тебя.

И в этот момент город перестал гудеть. Или он просто наконец-то перестал его слушать — и впервые за долгое время услышал тишину, настоящую, глубокую, в которой можно было различить даже стук собственного сердца.

Я пусть исчезну, как узор на звёздном небе из стекла,
Пусть стану призраком воды, что с криком «Браво» потекла —
Но в каждом отраженье снов мой свет играет и живёт.

Остаться эхом для меня — судьба того не проклянёт.

Глава 4. Четверг.

Четверг — тот самый, который не отличался от тысячи четвергов человеческого мира, продолжался бесконечными вздохами с разных сторон города. Кто-то любил этот день как предвестник пятницы, а Нарко ненавидел: он обрекал его на новую красотку или новое испытание. Лишь раз в неделю он разрешал себе встречи с девицами — именно так он называл одержимых самок в период их течки по его красоте. Разве им был важен его внутренний мир? Впрочем, мир не изменился с периода Олимпа: он по-прежнему позволял вычёркивать и забывать то, что сегодня не важно.

Вот она вошла — и воздух в комнате будто стал тяжелее, гуще, как сироп. Её глаза жадно блеснули, скользнув по разобранной кровати кумира, облизали полуобнажённое тело Нарко, чуть зацепившись на самом интересном. Бывали такие самки, что совершенно не умели контролировать свои гормоны — накидывались, как на торт, погружая в него все свои прелести. Таких он презирал и ненавидел: слишком многое ему пришлось пережить в бытность цветка, чтобы теперь терпеть эту липкую, бездумную страсть.

Случайная кокетка была почти воспитанной — даже дикой и слишком боязливой. Хотя он тысячу раз доказывал себе и миру, что в тихом омуте чертей в сто раз больше…

— Подойди к зеркалу, — его голос звучал слишком томно для такого простого задания. — Расстегни свою блузку. Я хочу видеть, как сильно ты меня хочешь.

Руки девчонки дрожали, она спешила, отрывая пуговицы и смахивая капельки пота, что бежали по её тонкой шейке, словно слёзы, которых она ещё не успела пролить. Маньяк, пожалуй, захотел бы свернуть её и избавиться от необходимости терпеть эти муки, но Нарко был не маньяком — он был зеркалом, в которое все хотели заглянуть, чтобы увидеть себя прекраснее.

— Разденься полностью. Ты прекрасна, как лесная нимфа, — произнёс он, и в этих словах не было ни тепла, ни восхищения — только холод, который она приняла за восторг.

Девушки всегда воспринимали это как невероятный комплимент, но только Нарко знал глубину своего отвращения к этим созданиям — не к ним самим, а к той пустоте, которую они пытались заполнить его отражением.

— Твои руки должны быть нежнее. Ласкай себя так, чтобы

я поверил в твою искренность, — продолжал он, и голос его звучал ровно, почти равнодушно, будто он диктовал рецепт лекарства, а не режиссировал чужую страсть.

Боже, как она старалась! Её желание сочилось по ногам, словно сок из оторванного стебля, а стоны становились слишком протяжными, чтобы не верить в приближение взрыва. Её корёжило и ломало — ещё несколько секунд, и будет поздно.

Именно этого и ждал Нарко. Он быстро прижимал к себе растерзанную желанием счастливицу, когда её тело извергалось рыданиями страсти, раскатываясь, словно гром по всему телу. Он смотрел в тонущие глаза и думал всегда одно и то же: «Несчастная, ты и без меня сможешь быть счастливой. Так будь ей».

Нарко мог продлевать их счастье — но хотела ли этого любовь к себе? Он и так слишком много дал этой глупышке: своё время, своё пространство, своё молчание, которое она принимала за внимание.

Растрёпанную и счастливую, мокрую, с блаженной улыбкой, её выносили из его комнаты слуги, роняя на скамейку в саду, где цвели лишь нарциссы — белые, холодные, без запаха, будто специально выращенные, чтобы напоминать о

тщете красоты. Чтобы дыхание Нарко навсегда проникало в их сознание, отравляя его навеки, как яд, который сначала пьянит, а потом сжигает изнутри.

— Смените постель и сделайте генеральную уборку, — говорил Нарко, тщательно отмывая руки, словно пытаясь смыть с кожи не только прикосновение, но и сам факт этой встречи.

Затем он выскальзывал в объятия вечерних огней, где уже начиналось настоящее представление чувств и фейерверков расставаний — яркие вспышки, которые гасли через минуту, оставляя после себя только едкий дым и пепел.

Город встречал его шумом, светом, криками, смехом и слезами — какофонией, в которой он научился не слышать ни одного голоса. Он шёл по улице, и отражения в витринах ловили его силуэт, дробя его на сотни осколков, каждый из которых казался отдельным человеком — и ни один из них не был настоящим.

В кармане лежало старое зеркало — то самое, с надписью на обороте: «Ты не зеркало. Ты — человек». Он коснулся его пальцами, но не достал. Не сейчас. Сейчас ему нужно было просто идти, позволять городу поглощать его шаги, пока он сам не станет частью этого шума — ещё одним эхом, которое растворится в воздухе, не оставив следа.

Глава 5. Берег, где плачут слёзы

Ветер с Невы хлестал по лицу, как ледяная плеть, срывая с Нарко привычную маску равнодушия. Он шёл вдоль гранитной набережной — не спеша, будто давая городу время насладиться его небрежной красотой, но сегодня Питер не хотел никого разглядывать. Он хотел плакать. И плакал — дождём, косой моросью, тяжёлыми каплями, стекавшими по парапетам, словно по морщинам древнего лица.

Нарко любил дождь; ему нравилось, когда мелкие слезинки целовали его тело…

И среди этого плача он услышал другой звук — не вой ветра, не плеск воды, не гул редких машин. Это был человеческий плач, словно зов сквозь время: рваный, безнадёжный, будто кто-то пытался вытолкнуть из груди застрявшее слово, которое так и не было сказано.

Она, словно выброшенный котёнок, грязный и мокрый, сидела на холодных плитах у самой кромки воды, подтянув колени к груди, и её плечи вздрагивали в такт каждому всхлипу, каждому столкновению капли с поверхностью воды. Мокрые пряди липли к лицу, смешиваясь с дождём, а

пальцы вцепились в край пальто так, будто оно было последним, что удерживало её на этом берегу — и на этой земле. Вокруг неё не было ни зонта, ни сумки, ни даже намёка на попытку укрыться. Она просто сидела и позволяла городу смывать с себя всё, что ещё оставалось от прежней жизни.

Нарко остановился. Не из жалости — жалость он презирал, считая её дешёвым заменителем слащавого понимания. Но в её рыданиях было что-то, что зацепило его, как острый осколок стекла времени цепляет шёлк: незаметно, но рвёт в клочья. В этом звуке не было позы, не было желания быть замеченной — только голая, неприкрытая боль, такая же древняя, как сам Олимп.

Он подошёл ближе, но не вплотную — остановился на расстоянии вытянутой руки, где дождь уже смешивался с её слезами, и тихо спросил:

— Ты утонешь здесь или просто хочешь, чтобы вода забрала то, что тебе больше не нужно?

Она подняла голову. Лицо было красным, опухшим, мокрым — некрасивым в том смысле, который люди привыкли прятать за фильтрами и улыбками, даже ужасным. Но в нём не было фальши. И в этом таилась странная, почти пугающая привлекательность — красота человека, который был, а не

казался, существовал и перестал притворяться перед толпой любителей прекрасного.

— А тебе какое дело? — прошептала она; голос дрожал, как пламя на ветру. — Ты же из тех, кто смотрит и уходит. Я видела таких. Хорошо знаю вашу «заботу», что бьёт сильнее насмешки. Ты смотришь, как на картину, запоминаешь ракурс, а потом уходишь, потому что в жизни слишком много грязи, среди которой твой цветок слишком хорош. Слишком много слюней и слёз.

Её слова ударили неожиданно точно — прямо в то место, где он пытался убедить себя, что ему всё равно.

Нарко засмеялся так открыто, как не смеялся вечность. Ему казалось, что прекрасное лицо забыло настоящие эмоции.

— Может, сегодня я не уйду, — нагло ответил он, присаживаясь на корточки, чтобы их глаза оказались на одном уровне, чтобы насладиться их болью и глубиной, испить источник её души. — Расскажи. Пусть эта грязь останется, между нами, а не внутри тебя.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.